

Мурманские берега

Владимир Сорокажердьеv

Владимир Сорокажердьеv – родился в Кирове в 1946 году. Окончил Литературный институт. В 2013–2016 годах возглавлял Мурманскую организацию Союза писателей России. Автор сборников стихов и многих историко-документальных книг о Севере. Стихи печатал в журналах: «Дон», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Наши современник», «Север», «Юность». Лауреат Международной литературной премии им. В. Пикуля. Почётный гражданин города Колы. Награждён медалью Рубцова. Живёт в Мурманске.

КОСТЁР

Он играет, он греет меня,
Вспоминая прошедшие годы.
Мы – вдвоём, хорошо у огня!
А деревья ведут хороводы.

Низок круг малолетних сестёр,
Тех берёзок, пригодных на веник.
Но чем ярче горит мой костёр,
Тем огромней бегущие тени.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Друг!
От страны себя не убирай,
Кровавые дожди нас оросили,
И Крайний Север нынче – тоже край,
Передний край воюющей России.

Здесь взрывы также смертные слышны
И – отблески пожаров на рассвете;
Там, под огнём, российские сыны,
Твои сыны, твоей России дети.

Ты их одень, обуи и накорми –
Как исстари, со всем народом дружно,
Ты от себя частицу оторви
Своей души, им это очень нужно!..

И сердца своего, других, наказ:
Вернуться так, как в сорок пятом, звёздном.
Дай то,
что нужно именно сейчас,
А завтра, может, будет уже поздно...

* * *

Зайти бы в лес и, может, заблудиться.
Не ведать горизонта и степей.
Но где вы, елей старческие лица,
Рукопожатья жилистых ветвей?!

Хвоинка не завалится за ворот,
Живая станет мёртвою вода.
Народ лесной переберётся в город,
А птица, зверь – куда они, куда?

К какому-то потянутся Борею,
В Ойкумену, страдальцы без вины?..
Особенно медведя я жалею,
Потомственного сторожа страны.

ГОРОД

Но буду ли жить я по-прежнему,
Молиться беспутному городу?
А ну его, пьяного, к лешему,
А ну его – в синюю бороду!

Обросший дымами-волосьями,
В поступках своих неуверенный,
Шуршит по асфальту колёсами,
Грозит высотой гулливеровой.

Уйдём в заозерье, подружка,
Надевши рубахи посконные.
На курьих ногах там избушка,
А правая ножка надломлена.

Там много осеннего золота –
И всаднику хватит, и пешему.
Тоску не бери в свою голову,
А ну её, грешную, к лешему!..

ЗЕМЛЯ

Земля любую боль услышит,
Переживёт любое зло.
Где глухомань – свободно дышит,
Где суета – ей тяжело.

У ней задымленная шуба,
Перемазучена вода.
А сколько пакости и шума
Несут эфир и провода.

Не приодеться, не умыться,
И никакой надежды нет,
Чтоб в лучшем облике явиться
На завтрашний Парад планет.

* * *

... все ушибленные Севером.

Бор. Пильняк

Они мечтали, громко верили
В киношный миф, былинный сказ,
Они, ушибленные Севером,
И тем похожие на нас.

Романтики и трудоголики,
Вождей послушные гонцы,
Поставили палатки-домики,
А после – фабрики, дворцы.

На коротко
или надолго,
Морозом, летнею зарёй.
Мы все ушибленные Волгой,
Хибинами и Ангарой.

И в том, наверное, наивны мы,
За горизонтами спеша.
А если б не были ушиблены,
Чего творила бы душа?..

* * *

Снега нет. Куда он делся?
Где его желанный свет?
Может, он вернулся в детство,
Но меня уже там нет.

Не ищи меня, дружище,
Там, где дедушка Мазай,
Не скреби у лодки днище
Со словами: «Вылезай!..»

Поздний срок, денёк короткий,
У зимы неясный след.
Нету снега, нету лодки
И Мазая тоже нет.

ЧАГА

В лес вхожу я без лишнего шага
Под прицелами птиц и зверья.
Не чернеет ли где-нибудь чага,
Питьевая голуба моя?

Пью совсем не в ущерб, не в убыток
Тем лесам – с малолетства был вхож.

Удивительный чайный напиток!

– Только чем он, скажите, хорош?

С его вкусом осеннего дыма,
С его силой живётся легко –
Он и солнце быстрее поднимет,
А под вечер задержит его!

* * *

Н. Рубцову

Впереди недорисованные дали.
В дождь ли, облако опять я завернусь,
Оглянусь – и никого, друзья отстали,
Задержались, отдыхают, ну и пусть...

То ли памятное утро, то ли вечер

Позови назад, калитку отвори,

И узнаешь, у оставших отдых вечен,

Дорогие вы попутчики мои!

Дорогие... Молодые лица-рожи!

Торопиться жить нисколько не виню.

Хоть и горько на душе, но всё же, всё же,

Что-то вспомню и улыбку уроню

* * *

В юношеских далях мы легки,

Песнями наполнены и риском.

Днём таскал тяжёлые мешки,

Вечером на танцах девок тискал.

Память, словно ветер дикий, вдруг

Сдует пыль, с годов далёких стружку,

Помнит теплоту нахальных рук

В глубине панельных стен старушка.

Задувает за окном снежок,

Приглашая: – Старче, поживее!..

Только давит возраста мешок,

А цемента он потяжелее.

ДАЧНИКИ

В леса, пруды и огороды –

Течёт народная волна,

Просить прощенья у природы?

Свободы требовать сполна?

А позже приливной волной
К асфальту, камню и железу
Народ торопится – домой! –
Цветами пахнувший и лесом.

И в той компании говорливой
Всё чудится порыв морской.
Там и меня несёт приливом
На грубый берег городской.

КАМНИ

Со времён незапамятных, давних,
Мы благое занятие нашли –
От греха убираются камни,
Выправляется лоно земли.

Но выходит из тьмы чудо-юдо,
Раскрывая горячую пасть,
Снова камни летят ниоткуда,
Чтобы снова споткнуться, упасть.

Камни – часть человеческой породы.
Это мы охмурить их смогли,
Чтоб летели они в огороды,
Чтоб кружились они у Земли!

ПСИНА

Этот чёрный, как ноченька, пёс
Не тарасил на публику зенки,
А хозяйюшки сумочку нёс,
Зубы – лучший охранник, где деньги.
Очень важный! Ему ещё б трость.
Треугольная морда резная.
А где денежки, пряталась кость –
Аппетитная ножка свиная.

Будет псине на вечер мосол!
А сейчас – хоть немножечко славы:
Гордо сумку несёт как посол
Молодой африканской державы.

СПУТНИК

Он вырос на сейдовских нарах,
На мхах, меж камней и берёз.
Совсем не худой, а поджарый,
От лайки случившийся пёс.
Скажи-ка, мой спутник, кто папа,
Породы какой удалец?
Он машет приятельски лапой,
Мол, ты мне и друг и отец.

Следит и во всём подражает,
Старательно гладит усы,
Как я, вечерами зевает,
А утром глядит на часы.

Весна! Светлой майскою ночью
Бродить по округе мастак.
Вся жизнь у него – многоточье,
А хвост – вопросительный знак.

ОХОТА

Охотник по округе кружит,
Оставит ли кого в живых?
Чем дальше в лес, тем больше ружей
И запахов пороховых.

Октябрь. Лес отданный на откуп
Ватаге буйной боевой.
Чем дальше в лес, тем крепче водка.
Эй, кто остался ли живой?

Чем дальше в лес, собаки злее,
И медлить более нельзя,
Разделить важного трофея,
Пока не высохли глаза.

ВНУЧКЕ УЛЬЯНЕ

Продолжается роман –
Чувств наполненная чаша.
Парень с Мурманна – Роман,
С енисейской выси – Саша.
Время сблизило сердца.
Словно вышли из тумана
Два зелёных деревца
И ещё одно – Ульяна.

Под родительским крылом
Нет девчужечки милее!
И живут они втроём
На яру у Енисея.

Пусть живут они до ста
В стороне от свар и рисков
Там, за пазухой Христа,
В глубине земли Сибирской.

* * *

Во дворе ещё не капали капли,
И апрель сугроб в ручей не уволок.
На рябины налетели свиристели,
И у каждой птахи чудный хохолок.
Мир заполнили – небесные полати.
Ах, грабители рябиновой казны!
Этой россыпи брильянтовой вам хватит,
И надолго, может, хватит. До весны!
И конечно, доложили уже Богу.
Улыбнулся Он, нет весточки милей:
«Да, неслыханно рябины нынче много.
Да, не считано сей год свиристелёй».